

Буркхард Билгер

Отечество

История о войне, семье и совести
в нацистской Германии

Перевод с английского
Максима Шера

Individuum, 2025

УДК 929
ББК 63.3(4Гем)6
Б61

Published by arrangement with Elyse Cheney Literary
Associates LLC and The Van Lear Agency LLC

Билгер, Буркхард
Отечество. История о войне, семье и совести
в нацистской Германии / Буркхард Билгер; [пер. с англ. М. Шера]. —
Б61 М.: Individuum, Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-214663-3

Во время Второй мировой войны немецкий учитель Карл Гённер не воевал в гитлеровской армии, но возглавлял ячейку нацистской партии в оккупированной Франции. После поражения Германии он был оправдан военным судом Эльзаса. Именно туда, в пограничные земли, несколько раз переходившие от Франции к Германии, направляется в наши дни внук Гённера — американский журналист Буркхард Билгер, чтобы узнать всю правду о прошлом своей семьи и найти ответы на сложные вопросы. Что заставляет людей поддаваться агрессивной пропаганде? Можно ли остаться приличным человеком, когда участвуешь в преступлении не напрямую, а только косвенно? Как примириться с собственной памятью и семейной историей? «Отечество» — мастерски написанная книга о спорных территориях и серых зонах морали, об ответственности и прощении и о том, как в конечном счете каждому дается шанс на искупление.

УДК 929
ББК 63.3(4Гем)6

Copyright © Burkhard Bilger, 2023
© М. Шер, перевод с английского, 2025
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-214663-3

Individuum®

Посвящается моей матери

Оглавление

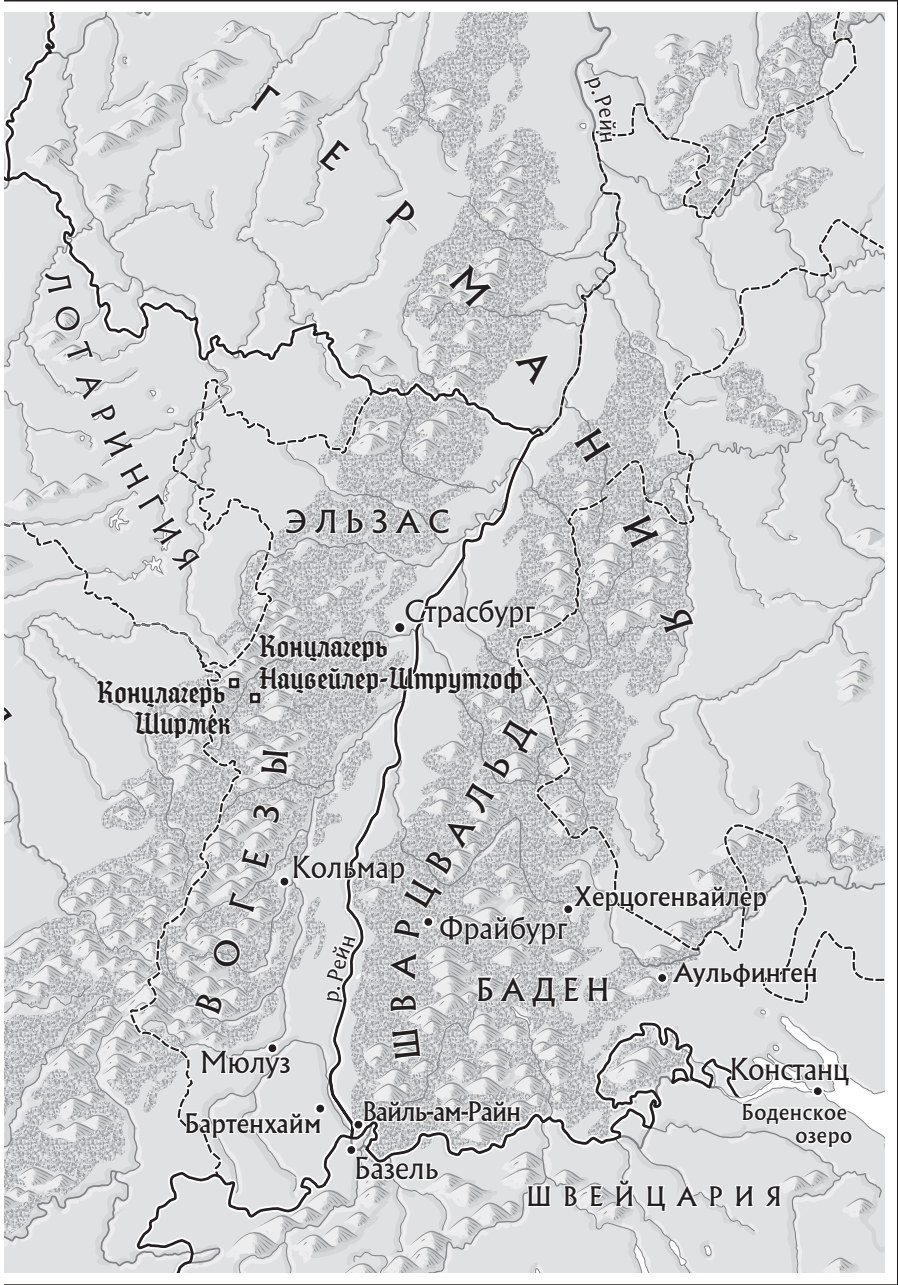
Примечания от автора	9
ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ	13
ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ	17
ОТЕЦ	39
ПРЕДОК	55
СЫН	73
СОЛДАТ	85
РАНЕНЫЙ	99
ПРИЗРАК	119
УЧИТЕЛЬ	136
ВЕРУЮЩИЙ	159
ЗАХВАТЧИК	192
ОККУПАНТ	219
ПАРТИЙНЫЙ НАЧАЛЬНИК	240
ПРЕДАТЕЛЬ	260
АРЕСТАНТ	284
ОБВИНЯЕМЫЙ	303
ПОДСУДИМЫЙ	314
ДЕД	333
Благодарности	345
Примечания	349
Библиография	369
Фотографии	381
Об авторе	383

Примечания от автора

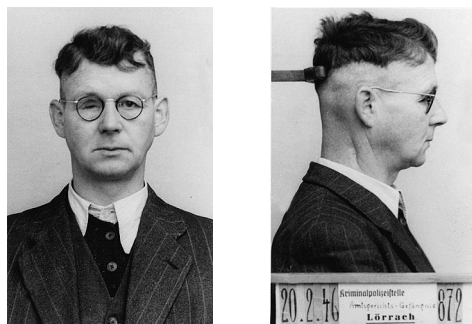
Книга, которую вы держите в руках, представляет собой документальную повесть, своего рода исторический репортаж. В ее основе — первоисточники и рассказы непосредственных участников событий, записанные в беседах с разными людьми и найденные в архивах Франции и Германии. Места, где мне пришлось «маневрировать» между противоречившими друг другу свидетельствами, я постарался в тексте выделить особым образом. Лакуны, в которых мне недоставало деталей, я заполнил за счет современных источников. В некоторых случаях пришлось полностью довериться памяти людей — насколько ненадежной, настолько и цепкой.

Как и многие мужчины его поколения, мой дед не любил рассказывать о себе. Он не оставил ни дневника с душевными метаниями, ни завещания, ни воспоминаний о войне, отшлифованных и отполированных до состояния амулетов. Он хотел забыть, он не хотел помнить. Тем не менее, следы своего существования он оставил повсюду — в устных рассказах, воспоминаниях, письмах из тюрьмы, в судебных протоколах, школьных отчетах, полицейских рапортах. В книге я попытался проложить тропинку до этих источников: по этой тропинке моя мама бредет за своим отцом, он — за своим, а я — за всеми ними. Я постарался довести эту тропинку до самых истоков.

Подозреваемый

Человек, сидевший в комнате для допросов, по всем признакам походил на опасного фанатика: строгая осанка, костлявые плечи, сжатые губы¹. Он носил очки с латунными дужками и круглой черепаховой оправой, голова была выбрита сзади и по бокам. Только на макушке оставалась копна каштановых волос, похожих на накладной парик. Пока он позировал для фото в профиль и анфас, в глаза бросалась странная асимметрия на его лице. Левый глаз выражал твердость и целеустремленность, но одновременно страх и муку. Правый был стеклянным и безжизненным.

Перед ним взад-вперед вышагивал следователь — француз Отто Баумгартнер. «В октябре 1940 года вы переехали в Эльзас и задались целью обратить в национал-социализм

жителей Бартенайма»*, — начал он зачитывать с машинописного листа. «Вы получили должность ортсгруппенлейтера**, рассчитывая стать полновластным хозяином города... Вы выполняли свои обязанности с беспримерным рвением и деспотическим задором! Во всем Мюлузском округе вас воспринимали как самого страшного и одиозного начальника!»

После каждого обвинительного пункта Баумгартнер делал паузу, чтобы дать арестанту ответить, другой следователь вел стенограмму допроса. Прошел уже почти год со дня капитуляции Германии, и эти люди успели наслушаться обличений и доносов. Регион бурлил, особенно в сельской глубинке: работали военные суды и гражданские ополченцы, по деревням бродили толпы линчевателей, чинивших стихийную расправу. Четыре года немецкой оккупации усугубили и без того мучительный внутренний раскол во Франции, натравили друг на друга соседей, столкнули лбами христиан и евреев. Пришло время сводить счеты. За пять послевоенных лет более девяти тысяч человек будут казнены за военные преступления и коллаборационизм, и это если не считать тех, на кого донесли и кого избили, а еще женщин, которых остригли, обрили и прогнали через города при стечении народа за то, что спали с немецкими солдатами. Французы

* Французское произношение названия *Barthenheim* — Бартенайм, немецкое — Бартенхайм. Поскольку повествование ведется от лица американца немецкого происхождения, рассказывающего о своих немецких родственниках и говорящего на одном из диалектов немецкого, все эльзасские топонимы (кроме тех, которые сам автор называет по-французски, например Мюлуз, и тех, что звучат из уст французов, как в этом эпизоде) даны здесь в немецком произношении. Французское, то есть довоенное и современное, произношение приводится в сносках. Само название региона Эльзас (*Elsass*, ранее также *Elsav*) в русский язык перешло из немецкого (фр. *Alsace*, Альзас). — Здесь и далее примечания переводчика.

** *Ortsgruppenleiter* (нем.) — буквально «руководитель местной [партийной] организации», партийный функционер НСДАП, возглавлявший парторганизацию на территории, насчитывавшей примерно полторы тысячи домохозяйств. В его задачу входило наблюдение, контроль и политическая оценка населения.

называли те события «беспощадным очищением» — *épuration sauvage*.

Факты в деле сомнению не подлежали. Получены они были, казалось бы, от безупречного источника — капитана Луи Обрехта, заместителя начальника французской военной администрации и председателя местной фильтрационной комиссии. Обрехт — ветеран французской армии — какое-то время находился в плену. Когда в 1940 году немцы вторглись в Эльзас, он работал директором школы в городке Бартенхайм, где задержанный чуть позже станет ортсгруппенляйтером, то есть руководителем местной партийной организации. Четыре года, утверждал Обрехт, задержанный наводил ужас на Бартенхайм. «Но именно в последний год своего „правления“ он стал запугивать людей и угрожать им».

Обрехт обвинял бывшего функционера в самых разных преступлениях — от саботажа до использования французских детей для шпионажа. Но следователи сфокусировали внимание на одном случае — убийстве местного крестьянина Жоржа Баумана². Утром 4 октября 1944 года — это была среда — начальник немецкой военной полиции Антон Акер приказал Бауману явиться на работу и приступить к сколачиванию деревянных поддонов для вермахта. Бауман отказался. Война к тому моменту уже складывалась не в пользу Германии; союзные армии были на подходе. Крестьянин сказал, что не собирается работать на «этих немецких свиней». Когда Акер попытался его арестовать, завязалась потасовка, и Бауману с родней удалось разоружить офицера.

Победа оказалась недолгой. Через час Акер вернулся с пятью полицейскими. Они арестовали Баумана, а чуть позже в тот же день поймали его жену и дочь; сыну же удалось скрыться в полях. Трех задержанных отвезли в полицейский участок, где всех сильно избили. К вечеру Бауман был полуживой. «Я обнаружил его на полу участка — без сознания;